

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ: ОЦЕНКА ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО

А. И. Татаркин, А. А. Мальцев

В статье выявлены признаки обесценения истории экономической мысли в научно-образовательной иерархии. Авторы рассматривают внутренние и внешние факторы, обусловившие девальвацию статуса истории экономических учений. Систематизируются последствия пренебрежения историей экономических учений для теории и практики.

Вторую половину XX — начало XXI вв. в среде экономистов отличают, в ряду прочих обстоятельств, потеря интересов исследователей к изучению экономической мысли и снижение престижа профессии историка экономических учений. Все чаще стали раздаваться призывы захлопнуть перед специалистами в области истории экономических учений двери факультетов экономики или, в лучшем случае, «изгнать» их на кафедры истории науки. Подобные предубеждения перед историей экономических учений, по-видимому, начали появляться еще во второй половине 1930-х гг., когда Дж. Хикс и Д. Робертсон высказали идею о том, что «нет никакого смысла тратить время на чтение классических экономистов» [73, с. 1]. В послевоенный период данная точка зрения постепенно превратилась в мейнстрим: «Экономическая теория, — заявил в 1965 г. профессор Вашингтонского университета Д. Гордон, — не испытывает необходимости включения ее истории в программу профессиональной подготовки (экономистов — Авт.)» [34, с. 126]. Спустя четыре года будущий лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглер однозначно утверждал, что «для освоения современного экономикса не нужно читать историю экономической теории, то есть про экономические теории прошлого» [79, с. 217].

В конечном счете, идиосинкразия в отношении истории экономических учений — «Никакой истории идей, пожалуйста, мы экономисты» — вылилась в устойчивую «клиофобию», ставшую одной из отличительных черт современного мейнстрима [19]. Конечно, можно заниматься самоуспокоением, полагая, что экономика стала естественно-научной дисциплиной, подобной физике, на которую распространяется принцип «Чем более совершенна наука, тем меньше внимания должно

уделяться ее прошлому» [20, с. 7]. Однако мы убеждены в том, что без «восстановления в правах» истории экономической мысли нельзя преодолеть кризисные моменты, с которыми столкнулся «основной канон» в последние годы. В данной статье мы сначала определим главные проявления «историеобязни» экономической теории. Затем выявим причины, в силу которых история экономических учений оказалась на периферии исследовательских интересов ученых. После этого систематизируем последствия забвения экономистами идей своих предшественников.

Кризис истории экономической мысли

Начнем с определения признаков обесценения истории мысли не только в глазах отдельных представителей «магистрального течения», но и во всей научно-образовательной иерархии¹.

Во-первых, обращает на себя внимание практически повсеместное исчезновение истории экономических учений из перечня предметов, обязательных к изучению студентами-экономистами. Так, в Лондонской школе экономики и политических наук история мысли перестала являться таковой в первой половине 1960-х гг. [27, с. 68], в начале 1970-х гг. аналогичные изменения произошли в сетке расписания австралийских университетов [36, с. 116]. В итоге «амнезия», охватившая мейнстрим, привела к тому, что в конце XX в. история экономических учений как неэлективная дисциплина сохранилась только в ряде высших учебных заведений Японии и Италии [1, с. 5], а к началу 2000-х гг. лишь 4 из 20 ведущих экономических факультетов США предлагали аспирантам курсы этого направления [15, с. 10]. Ко

¹ См. подробнее: [3, с. 127-129].

всему прочему, в подавляющем большинстве случаев история мысли дошла до наших дней в крайне выхолащенной, переложенной на язык математики форме. Как метко заметил эмерит-профессор политической экономии Уорикского университета лорд Р. Скидельски, «богатая история экономической мысли была заменена небольшим набором модных теперь математических „моделей”» [77].

Во-вторых, участились попытки поставить под сомнение принадлежность историков мысли к экономической науке. В частности, в 2007 г. большой резонанс вызвало решение Австралийского бюро статистики переместить историю экономических учений из категории «экономические науки» в раздел «История, археология, религия, философия», которое с большим трудом удалось предотвратить благодаря вмешательству целого сонма авторитетов [56]. В 2011 г. почин австралийцев решил поддержать Европейский исследовательский совет, предложивший — к счастью, с тем же результатом — отныне относить историю экономических учений в раздел знаний, относящихся к группе «Исследования человеческого прошлого: археология, история и память» [43].

В-третьих, зачистка «основного русла» от «посторонних» исторических «наслоений» не ограничивается стремлением реклассифицировать отдельные разделы экономической науки. Так, весьма чувствительный удар по профессии историков экономической мысли нанесло — пусть временное — изъятие в 2005 г. журнала *History of Political Economy* из системы цитирования *Social Science Citation Index*. Бурю негодования вызвал, в первую очередь, тот факт, что это произошло именно с дисциплиной, не способной похвастать большим количеством индексируемых *SSCI* журналов, тогда как «индексация в *SSCI*... есть вопрос выживания», от которого зависит индекс цитирования автора и, соответственно, продление контракта с факультетом и продвижение вверх по служебной лестнице [50]. Кроме того, специализированные журналы в области истории экономических учений «невысоко ценятся деканами» [18, с. 147], которые считают их «не имеющими никакого значения, так как они не способствуют развитию экономической теории» [55, с.7].

В-четвертых,стораживает ослабление позиций истории экономических учений в авторитетной экономической периодике. Скажем, расчеты Я. Жиро и П. Г. Дуарте показали, что в 1991–2011 гг. на долю работ, попадающих под код *JEL* «История экономической мысли, методология и гетеродоксальные подходы»,

пришлось лишь 5 % суммарного количества статей, опубликованных в восьми наиболее значимых журналах¹, а за вычетом рецензий, интервью и биографий эта цифра составила скромные 2,1 % [56, с. 7]. В то же время, в современном научном сообществе прочно укоренилась увязка репутации ученого с числом его публикаций в престижных изданиях, что создает дополнительные трудности для специалистов в области истории экономической мысли с «демонстрацией своей полезности» перед коллегами и руководством, что, в свою очередь, ведет к еще большей провинциализации и самоизоляции их отрасли знания [19, с. 535]. Пятилетний импакт-фактор авторитетного журнала по истории экономических учений — «*European Journal of the History of Economic Thought*» (0,276) в 2012 г. в 2,6 раза уступал показателю рассчитанного отнюдь не на самую широкую аудиторию «*Geneva Risk and Insurance Review*» (0,732) и в 29,5 раза — одного из флагманов научной экономической периодики — «*Quarterly Journal of Economics*» (8,147)². Если к этому добавить появление в последние десятилетия многочисленных изданий по истории экономических учений с практически нулевыми индексами цитирования, то трудно не согласиться с учеными из университета Джорджа Мейсона, отмечающими парадоксальную ситуацию: «число людей, пишущих на данную тему (истории экономических учений — *Авт.*), выросло, но количество читающих их ... сократилось» [19, с. 543].

В-пятых, произошло замедление темпов воспроизводства кадров историко-экономического профиля, во многом вызванное невысокими, в сравнении с другими разделами экономики, карьерными перспективами. Если в 1984–1989 гг. в США и Канаде в среднем ежегодно защищалось 8,8 работ на соискание докторской степени по экономической мысли и методологии [16, с. 132], то в 2007–2012 гг. — только 3 диссертации³. Параллельно, вслед за снижением присутствия истории экономических учений в учебных планах (например, в австралийских университетах удельный вес

¹ К таким изданиям ученые отнесли «*American Economic Review*», «*Econometrica*», «*Journal of Political Economy*», «*Quarterly Journal of Economics*», «*Review of Economic Studies*», «*Economic Journal*», «*Journal of Economic Literature*» и «*Journal of Economic Perspectives*».

² Factor de Impacto ISI-JCR-SSCI-2012-Economics (<http://www.aehe.net/2013/06/jrc2012-economics.pdf>).

³ Рассчитано по: *Doctoral Dissertations in Economics Annual List* («*Journal of Economic Literature*» за соответствующие годы).

курсов по истории экономических учений за 1980–2011 гг. уменьшился с 2,4 до 1,0 % общего количества предметов, читаемых студентам-экономистам [13]), сократились потребности в историках экономики. Эту тенденцию легко проследить при помощи данных базы «Job Openings for Economists» Американской экономической ассоциации¹, где аккумулируются данные ведущих научных центров глобального хозяйства об академических вакансиях в сфере экономики. Так, если в 1976 г. университеты мира нуждались в 16 экспертах по истории экономических учений [16, с. 131], то в конце 2013 г. высшие учебные заведения и исследовательские институты хотели трудоустроить лишь 7 специалистов в этой области².

Внутренние и внешние факторы упадка истории экономических учений

Вопрос о причинах трансформации respectable отрасли знания, некогда занимавшей, наряду с микро- и макроэкономикой, лидирующие позиции в «высшей лиге» экономической науки, во второстепенный «предмет-аутсайдер» продолжает вызывать ожесточенные споры³. Дополнительный интерес к этой проблеме подогревает скорость девальвации истории экономических учений в академическом «табеле о рангах». Ведь вплоть до 1960-х гг. историки экономической мысли, за плечами которых стояли такие авторитеты, как Дж. Вайнер, У. Митчелл, Л. Роббинс, Э. Селигмен, Й. А. Шумпетер, и «не думали о своей области знаний как об отдельной дисциплине внутри экономика, и не видели причин собирать отдельные собственные встречи и организовывать ассоциации» [33]. Спустя сорок лет, когда большинство современных экономистов переняли взгляд на историю экономических учений Дж. Стиглера (кстати, единственного нобелевского лауреата с докторской степенью по истории экономической мысли [23, с. 543]): «Историю дисциплины лучше оставить тем, кто не наделен достаточными способностями для профессионального занятия исследованиями на современном уровне» [79, с. 218], ситуация полностью изменилась. В результате от некогда монолитного здания экономической науки отделилась важная его часть.

С нашей точки зрения, корни этого раскола следует искать как во внутренних причинах,

продиктованных логикой развития экономика, так и внешних по отношению к истории экономических учений факторах, заключающихся в изменении системы организации научных исследований, предопределенных спецификой процессов, разворачивавшихся в мировом хозяйстве второй половины XX — начала XXI вв. Начнем с интерналистских факторов, обусловивших потерю интереса экономистов к истории собственной дисциплины.

Как известно, звание отца сегодняшнего мейнстрима заслуженно закрепилось за А. Смитом. В ряде публикаций последних лет популяризируется гипотеза о квазирелигиозной природе смитианской политической экономики, где вся экономика являет собой часовой механизм, запущенный в движение Богом-механиком и поддерживаемый в движении его невидимой рукой, которая преобразует — через рост конкуренции — эгоизм отдельных индивидов в коллективное социальное благо [35, с. 87]. Не отрицая определенного действительного оттенка теоретических конструкций А. Смита, свойственного, впрочем, многим представителям шотландского Возрождения, мы полагаем, что гораздо большее воздействие на видение автором «Богатства народов» облика хозяйственной системы оказала научная революция XVII в. По нашему мнению, за (возможно, кажущимися) теологическими одеждами смитианской доктрины определенно проглядывает тень И. Ньютона, чьи работы экономист называл «величайшим открытием за всю историю человечества» [4, с. 274-275]. Безусловно, речь идет не столько о заимствовании политэкономом каких-то «готовых» идей создателя классической механики, сколько о перенесении принципов, методологических стандартов и метафор физики XVII в. для изложения своих размышлений.

Пожалуй, самым важным приобретением, оказавшим определяющее влияние на облик основного течения экономика, стала трансплантация А. Смитом принципа механицизма, постулирующего детерминированность явлений окружающего мира и исключаящего какую-либо случайность. О восприятии шотландским экономистом реальности в ньютоновском ключе весьма красноречиво говорит его убежденность в том, что человек нуждается в науке, способной «связать друг с другом разрозненные объекты, позволяя тем самым ввести порядок в хаос» [38, с. 51]. По всей видимости, именно отсюда берет свое начало знаменитый принцип «как будто» (*as if*), открывший дорогу абстрактному теоретизированию и математи-

¹ JOE. December 2013.

² Там же.

³ См. подробнее: [3, с. 130-132].

ческому моделированию социально-экономических процессов. Как утверждает известный «смитовед» Л. Монтез, «частое использование Смитом словосочетания „может быть” не случайно. Для Смита наука является безграничным процессом следующих друг за другом аппроксимаций, что имеет сходство с методологическим наследием Ньютона» [63, с. 48].

В своей совокупности труды А. Смита заложили фундамент для превращения экономики в «настоящую», подобную физике, научную дисциплину. Процесс уподобления политической экономии естествознанию активизировался во второй половине XIX в., совпав с развитием термодинамики и целой серией технологических открытий, ставших материальной основой второй промышленной революции. Колоссальные научно-технические достижения привели к появлению нового, позитивистского стандарта научного мышления. Отныне «наука могла быть только аксиоматической и математической», а «научную сферу надлежало отделить от сферы образов, ценностей, красот, добродетелей и всех других неизмеряемых вещей» [59, с. 142]. Лейтмотивом такого видения науки стал знаменитый афоризм лорда У. Кельвина: «... Если вы можете измерить и выразить в числах то, о чем говорите, — вы знаете это; но если вы не можете измерить, если не можете выразить числами, — ваши знания скудны и недостаточны» [5, с. 457].

Вполне естественно, что экономисты не могли и не хотели отставать от веяний своего времени. Главными фигурами, еще больше сблизившими экономику и физику, стали отцы маржиналистской революции — У. Джевонс и Л. Вальрас. «Экономика, если она хочет быть наукой вообще, должна быть математической наукой», — писал У. Джевонс в предисловии к своей «Теории политической экономии» [75, с. 129]. Подобный позитивистский кураж отличал и лозаннского ученого: «Всем уже понятно, — утверждал Л. Вальрас в 1900 г., — что экономика, как астрономия и механика, является эмпирической и рациональной наукой» [70, с. 69]. При этом претензии маржиналистов на превращение политической экономии в естественнонаучную дисциплину не остались нереализованными амбициями. Их стараниями, как справедливо замечает профессор университета Нотр-Дам (США) Ф. Мировски, «экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX в.: полезность была переопределена так, чтобы занять место энергии» (цит. по: [2, с. 105]). Не вдаваясь в анализ положительных и негативных сторон такой

«подмены», отметим главное: с конца XIX в. неоклассическая ветвь экономической теории (по крайней мере, значительная часть ее представителей) стала ощущать себя социальной физикой, чьи «законы точно такие же, как в физике, и, будучи однажды правильными, правы всегда» [60, с. 69].

Впрочем, противостояние условных «лириков» условным же «физикам» продолжалось вплоть до конца 1940-х гг. Еще в 1930-е гг., по образному сравнению Д. Макклоски, подавляющая часть экономистов «оставалась математически невинной», в «American Economic Review практически не встречались уравнения, а допущения не подвергались формализации» [59, с. 139]. Ситуация начала стремительно меняться с выходом в свет в 1948 г. «Economics» П. Самуэльсона, которая вытеснила с полок университетских библиотек учебники, написанные в маршаллинской традиции, отстраивающейся вокруг представления экономики как сложного биологического организма [25]. Учебное пособие будущего нобелевского лауреата оказало поистине революционизирующее воздействие, учитывая тираж в 4 млн копий и перевод на более чем 40 языков, на видение «облика» экономической науки студентами во всем мире. Наверное, лучше всего главный посыл *tagnaopus* П. Самуэльсона сформулировал другой нобелевский лауреат, В. Смит: «Книга Самуэльсона показала, что экономика это просто физика» [40, с. 288]. В сфере методики преподавания экономики также стала решительным разрывом со «словесными обсуждениями, которые подчеркивали сложность экономики и принижали аналитические модели экономистов», и открыла дорогу новой педагогике, «в сердцевине которой находилась ограниченная рамками оптимизации уникальная модель общего равновесия» [26, с. 2]. Теперь экономисты, взращенные на «Economics», в полной мере могли утверждать: «Математика — это наш язык» и по праву заявлять, что экономика — точная наука [66, с. 51]. По-видимому, официальным признанием успехов великого американского ученого и его последователей в подражании естественным наукам стало учреждение в 1968 г. Шведским государственным банком премии по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля, окончательно развеявшее «комплекс неполноценности» экономического сообщества перед коллегами из лагеря «точных» предметов.

Окрыленные «признанием» своей отрасли знания исследователи получили своеобразный карт-бланш на завершение начатой в конце

ХІХ в. работы по «офизичиванию» экономики. Робкие еще в середине века попытки математизировать экономику сменились решительным натиском на «гуманитарную» установку экономической теории. Например, удельный вес статей в «American Economic Review», «The Journal of Political Economy» и «Quarterly Review of Economics», содержащих математическую риторику, увеличился с 17–30 % в 1950-е гг. до 67–77 % в 1970-е гг. [14]. Столь быстрая трансформация структуры и стиля мышления имела прямое отношение к кардинальному пересмотру отношения к истории экономических учений. Так, в своей нобелевской речи М. Фридман обратил внимание, среди прочего, на принципиальное отличие точных наук — кумулятивный характер их знания [29]. Это означает, что все достижения прошлого уже хорошо известны современникам и воплощены в последних трудах. Следовательно, знание истории своей науки не только несущественно, но и может быть вредно для ее дальнейшего прогресса, поскольку мешает исследователю сосредоточиться на изучении текущих явлений. Предельно четко эту мысль сформулировал Ж. Б. Сэй: «Чем совершеннее наука, тем короче ее история» [18, с. 146].

В свою очередь, экономисты, превратившись в представителей «настоящей» науки, теперь могли, подобно физикам, «полагать, что современные учебники или трактаты... будут включать в себя все наиболее важные прошлые и настоящие завоевания в этой области» [71, с. 55]. При такой постановке вопроса история экономической мысли, действительно, являла собой рудимент «донаучного» прошлого экономики, которая не заслуживает лучшей доли, чем нахождение в антикварной лавке. В таком контексте едва ли не единственной возможностью сохранения дисциплины в экономическом поле стала «виговская» программа преподавания истории экономических учений, рассматривающая прошлые теории с позиции сегодняшнего мейнстрима и использующая при этом современные методы анализа.

Однако наш разговор о превращении истории экономических учений в «падчерицу» экономики будет неполным без учета внешних факторов — преобразований в учебно-научной сфере, также произошедших под воздействием научно-технических сдвигов второй половины XX в. Как известно, рубеж 1940–1950-х гг. стал для большинства развитых стран эпохой массификации высшего образования. С одной стороны, этот процесс детерминировался необходимостью не допустить коллапса рынка труда,

вызванного послевоенной демобилизацией, с другой — бурное развитие НТП вкупе с началом холодной войны требовали повышения качества человеческого капитала. Казалось, такая ситуация сулила всем дисциплинам, преподаваемым в высших учебных заведениях, прекрасные перспективы и обещала щедрое финансирование со стороны правительств, собиравшихся «компенсировать ... народам жертвы, понесенные в годы войны» [65, с. 420]. Тем не менее, поначалу экономические специальности столкнулись с некоторыми трудностями.

Весной 1945 г. декан экономического факультета Массачусетского технологического института Р. Фримен откровенно признался П. Самуэльсону, что студенты-первокурсники, значительную часть которых составляли ветераны военной службы, «просто ненавидят» экономику [65, с. 420]. Частично, происхождение такой антипатии к экономическим дисциплинам объяснялось преобладанием все еще сохранявшегося в них «архаичного» гуманитарного уклона, не способного, с точки зрения вчерашних фронтовиков, надежно гарантировать будущее трудоустройство в техноцентричном мире. «Ветераны искали ... полезных знаний. Образование (экономическое — *Авт.*), базирующееся на гуманитарных предметах, было роскошью, которую эти ... студенты не могли себе позволить», — замечает Э. Р. Вайнтрауб [84]. Выходом из положения стал перевод экономического образования на универсальный математический язык и его адаптация к новому духу времени, главными действующими лицами которого становились ученые и инженеры. Очень точно суть этой трансформации уловил один из ее творцов — лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Солоу: «Экономика (должна была — *Авт.*) превратиться из профессии ученого-джентльмена в понятный технический предмет» [78, с. 60].

Не в последнюю очередь легкости и стремительности победы «цифры» над «прозой» содействовал и образовательный бэкграунд послевоенного поколения экономистов, многие из которых пришли в экономику из математики или физики и перенесли сюда соответствующий исследовательский стиль [69, с. 159]. Не приходится удивляться, что дальнейшее развитие событий в плане преподавания экономических дисциплин лучше всего описывается афоризмом австрийского писателя К. Крауса (1874–1936 гг.): «Что переварили учителя, то едят ученики» [85, с. 56]. Вторжение точных дисциплин на территорию экономики леги-

тимировало зачистку образовательных программ от остатков гуманитарной составляющей. Опросы аспирантов ведущих американских высших учебных заведений, проведенные Д. Колландером и А. Кламмером в середине 1980-х гг., показали, что 57 % учащихся считали очень важным для своего профессионального роста математическое мастерство и лишь 10 % — считали невозможным стать специалистами без широкого знания экономической литературы [24, с. 100]. При таком перевесе в предметных предпочтениях в пользу «царицы наук», вполне закономерно, что, как сказал П. Самуэльсон, «чем-то надо было поступиться в учебном плане экономических специальностей. Пришлось пожертвовать историей экономической мысли, затем быстро последовало уменьшение количества часов на иностранные языки и сведение до минимума преподавания экономической истории» [74, с. 52].

Однако окончательно естественно-научный статус экономики закрепили Вторая мировая война и последующее за ней изменение геоэкономического ландшафта мирового хозяйства. Данная реконфигурация вылилась в дегуманитаризацию экономического образования и вымывание из его сердцевины истории экономических учений. Здесь можно выделить несколько обстоятельств, сработавших на раскручивание «математизации» экономических знаний.

В годы войны экономисты начали активно привлекаться к работе над оборонной тематикой. Вместе с физиками и математиками им приходилось прорабатывать вопросы выбора оптимальных маршрутов атлантических конвоев, организации противовоздушной и противолодочной обороны, налаживания системы контроля качества военной продукции, а также заниматься решением широкого круга других тактико-стратегических задач. Например, П. Самуэльсон в середине 1940-х гг. трудился в занимавшейся разработкой радаров Радиационной лаборатории Массачусетского технологического института, М. Фридман и Дж. Стиглер в Колумбийском университете в составе группы, возглавляемой авторитетными экономистами Г. Хоттелингом и А. Уоллисом, работали над проблемами военной тактики и конструкции оружия [83, с. 55-56], а Т. Кумпанс бился над решением транспортной проблемы торгового флота [31, с. 51]. В таком контексте гипотеза Э.Р. Вайнтрауба о том, что перевод послевоенной экономической теории на математические рельсы детерминировался не естественной логикой развития экономикса, а

являлся следствием вынужденного «скрещивания» экономики с точными науками в годы Второй мировой войны, кажется весьма правдоподобной [84].

Мощный импульс математизации экономических дисциплин придало создание в ходе разработки ядерного оружия в рамках Манхэттенского проекта электронных вычислительных машин, предоставивших экономистам возможность проводить чрезвычайно сложные расчеты и активно использовать теорию игр, оптимизационные методы и другие разделы прикладной математики. В послевоенный период эти наработки, не утратив своей актуальности, все активнее стали использоваться военными в набиравшем силу биполярном конфликте. В подтверждение приведем пример изначально создававшейся для конструирования ракетно-космической техники RAND Corporation, в которой доля экономистов в общем количестве сотрудников увеличилась с 3 % в 1949 г. до 35 % в 1950 г. [62, с. 311]. Столь же показательна поддержка американскими военными зарождавшихся центров математической экономики. Например, управление военно-морских исследований ВМФ США в 1947–1950 гг. финансировало 1/2 исследовательской программы Массачусетского технологического института, в 1951 г. — 1/4 бюджета так называемой комиссии Коулза (Cowles Commission) [62, с. 200, 220] — научного учреждения, из стен которого вышло целое созвездие экономистов-математиков, впоследствии удостоенных Нобелевской премии [17]. Разумеется, Пентагон не собирался оплачивать изыскания, не соответствующие «военно-утилитарной» теме, что лишало историю экономических учений тутого «военного кошелька» [61, с. 85].

От коллег из Министерства обороны не отставали гражданские ведомства и бизнес, видевшие в математизированной экономической теории мощное идеологическое оружие, призванное аргументировать превосходство капиталистического уклада над социалистическим типом хозяйствования. Логику рассуждений американского истеблишмента, пожалуй, лучше всего, объясняет доцент университета штата Огайо С. Амадэ. По ее мнению, математизация общественных наук в целом и экономики, в частности, при помощи «„научного“, то есть ненормативного и квантифицированного анализа» выполняла функцию доказательства преимущества традиционных западных ценностей — индивидуализма и демократии над свойственными советскому строю авторитаризмом и коллективизмом. Данное утверж-

дение, на наш взгляд, заслуживает дополнительных пояснений. Представляющим себе послевоенный накал холодной войны понятно, почему ни частный, ни государственный сектор Соединенных Штатов не жалели средств на «преодоление коммунистической теории... путем соединения индивидуализма и рационального своекорыстия (основных методологических столпов неоклассической экономической теории — *Авт.*) и переложения этой комбинации на точный язык математики» [8, с. 158–159]. Так, за 1956–1980 гг. американское правительство увеличило расходы на социальные науки в 17,5 раза — с 30 до 524 млн долл. [52, с. 5], при этом 60 % этих средств получали экономисты [87, с. 34]. Несложно догадаться, что деньги расходовались отнюдь не на историю экономических учений, а на наиболее «нужные» — в свете неослабевавшего биполярного противостояния — отрасли экономического знания.

Не менее важным фактором математизации экономической науки стало распространение в послевоенном американском обществе фобий в отношении левых и либеральных идей. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. на волне обострения антикоммунистических настроений альтернативные неоклассической теории течения экономического анализа подвергались жесткому остракизму. Так, в 1950 г. началась травля университета штата Иллинойс, где в это время работали молодые кейнсианцы Р. Эйсер, Л. Гурвич, Ф. Модильяни, которые в глазах консервативно настроенной общественности выглядели разрушителями устоев капитализма и получили опасное для продолжения карьеры клеймо «розовых» [54]. В 1953 г. суд отправил в тюрьму экономиста-марксиста П. Суизи [72, с. 125], а еще через год из-за объявленной сенатором Дж. Маккарти (1908–1957 гг.) охоты на «красных» из США в Великобританию уехал симпатизировавший социализму будущий нобелевский лауреат Л. Клейн [64, с. 27]. При этом специалисты в области истории экономических учений входили в особую группу риска, в первую очередь из-за изучения ими «антиамериканских» концепций. Вот как, например, известный специалист по истории экономической мысли Э. К. Хант описывал отношение руководства к его возможному переходу на постоянную должность: «Один из старших профессоров нашего факультета (Карл Ур) публично сделал заявление, что „любой, кто разделяет взгляды на дискуссию о капитале Робинсон-Сраффы, достоин пожизненного контракта только с сумасшедшим домом“» [53, с. 251].

В такой обстановке едва ли не единственным прибежищем для экономистов, где они могли себя ощущать в относительной безопасности от незаслуженных обвинений в «измене», стала математическая экономика, которая, с одной стороны, представлялась маккартистам дисциплиной, достаточно «лояльной» американским интересам, с другой — позволяла исследователям маскировать свои идеологические убеждения в хитросплетениях формул и греческих букв. «Гонимые экономисты могли найти профессиональное убежище в мире символов», — объясняет причины математической революции в экономической науке Соединенных Штатов Дж. Ходжсон [39, с. 391]. По сути дела, политика маккартизма выступила еще одним катализатором формализации экономического анализа и выдворения истории экономических учений из пантеона главных экономических дисциплин.

Наконец, утверждение США в роли лидера послевоенного мира привело к канонизации и распространению американского, то есть «математического», «стандарта» экономической науки в сфере политико-экономического влияния Вашингтона. Как указывает Э. Р. Вайнтрауб, «американская гегемония стабилизировала экономический дискурс, заменив различные национальные традиции (экономической теории — *Авт.*) новоявленным каноном экономического сообщества Соединенных Штатов. Только Соединенные Штаты обладали ресурсами (в послевоенный период — *Авт.*) для обучения, найма экономистов и публикации результатов исследований в области экономики» [84]. Слова профессора университета Дьюка подтверждаются фактами. Так, например, в 1993 г. из 1825 членов Экономического общества Республики Кореи, обладавших докторскими степенями, 43 % прошли обучение в США [22, с. 97–98], а в 1950–1993 гг. университеты Индии посетили практически 5 тыс. американских экономистов [10, с. 86]. На американскую версию экономической теории перешла и Германия. Смещение с пьедестала немецкой историко-экономической традиции, являвшейся в начале XX в. главным конкурентом англо-саксонского экономического знания, во многом предопределила ассоциация с идеями национал-социализма учения Г. Шмоллера [86, с. 160–161], что закрывало его последователям дорогу для продолжения научно-образовательной деятельности в денацифицирующейся Федеративной Республике, а также запуск программ академических обменов между США и ФРГ (за 1950–1956 гг. 14

тыс. жителей Западной Германии побывали за океаном с учебными целями) [42, с. 25], ускорявших привыкание молодого поколения немецких экономистов ко «вкусу» американской теории. Символом окончательной переориентации германского экономического анализа на американские рельсы стала публикация в 1949–1952 гг. написанного в самуэльсоновском духе трехтомного учебника «Введение в экономическую теорию» Э. Шнайдера, который для «целого поколения немецких студентов превратился в экономическую „Библию“» [67, с. 240]. Переход национальных школ экономической мысли на «катакомбное существование» открыл путь окончательному доминированию математического экономикса, чьи законы носят универсальный и вневременной характер, язык — одинаково понятен исследователям из любой страны и поэтому не требует знания исторического контекста. В итоге, к концу 1990-х гг. под воздействием как внутренних, так и внешних факторов история экономических учений, казалось, навечно обрекалась на крайнее положение в рамках мейнстрима.

Последствия забвения и первые симптомы возрождения интереса к истории экономических учений

Однако уже в начале XXI в. бесспорность данного представления начала ставиться под сомнение. Примечательно, что «мятеж» начался внутри самого «магистрального течения», которое относится к истории экономических учений в лучшем случае как к праздному любопытству, отвлекающему «настоящего» экономиста от шлифовки техники математического анализа. Так, в 2011 г. видный эконометрист М. Тома огорошил мейнстримную общественность «открытием»: профессор Орегонского университета обнаружил, что «новое экономическое мышление означает чтение старых книг» [82]. Чтобы понять смелость этой мысли, при всей кажущейся ее очевидности, необходимо вспомнить высказанное таким непререкаемым авторитетом, как П. Самуэльсон, напутствие: «Работающие ученые, по правде говоря, не имеют ни времени, ни терпения возиться с историей своего предмета, вместо этого они ... (должны — *Авт.*) творить эту историю» [51, с. 514-515]. «Крамолу» М. Томы поддержал другой авторитетный экономист, Б. ДеЛонг, высказавший мнение о том, что экономическая теория образца 1873 г. гораздо лучше объясняет современные проблемы мировой экономики, чем разработки макроэконо-

мистов последних десятилетий [28]. С «мятежниками» косвенно солидаризировался А. Сен, который напрямую связал неудовлетворительное состояние современной экономической науки с «крайним пренебрежением всей профессии историей экономической мысли», ставшим «одной из главных ошибок экономистов» [9]. В 2014 г. к «раскольникам» присоединился П. Крутман, сделавший на страницах «The New York Times» следующее заявление: «Одним из примечательных явлений продолжающегося экономического кризиса является... демонстрация значимости истории... причем не только экономическая история показала свою исключительную актуальность, но и интеллектуальная история — история экономической мысли — также оказалась важной. Короче говоря, вы поймете гораздо лучше то, что происходит сейчас,... если вы будете знать невеселую историю макроэкономической мысли» [48].

Критика антиисторичности современной экономической теории раздается не только со стороны признанных мэтров, но и студенческой аудитории. В ноябре 2011 г. мировое мейнстримное экономическое сообщество серьезно обеспокоило происшествие, случившееся на экономическом факультете Гарвардского университета, когда 70 студентов демонстративно покинули лекцию Г. Мэнкью. В позднее опубликованном открытом письме молодые люди выразили категорическое неприятие курса уважаемого профессора, главным образом, по причине игнорирования «альтернативных подходов к экономической теории», в результате чего «Гарвард не может вооружить своих студентов широким и критическим пониманием экономики» [12]. За «восстанием» американских учащихся последовал «бунт» международного студенческого сообщества из более чем 30 стран мира, объединившихся в движение «Всемирная студенческая инициатива за плюрализм в экономике». В начале мая 2014 г. протестующие представили манифест, возлагавший ответственность за кризис экономикса на отсутствие или слабую представленность в расписаниях занятий будущих экономистов таких дисциплин, как история экономических учений¹ и экономическая история [11].

¹ Примечательно, что российские студенты также считают историю экономических учений крайне важной дисциплиной для экономистов и выступают за сохранение истории экономических учений в программах профессиональной подготовки. Проведенное в ноябре-декабре 2014 г. очное анкетирование 731 бакалавров, магистров и аспирантов НИУ ВШЭ, МГИМО (У) МИД РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова, РЭУ им. Г. В. Плеханова, СПбГУ и УрФУ

Безусловно, можно относиться к подобным демаршам как к некоей «болезни роста», «наивным мечтам очередной группы девятнадцатилетних изменить мир» [44]. Однако шум, поднятый студентами вокруг проблемы преподавания экономической теории, отнюдь не ушел в песок. Еще в 2009 г. Дж. Сорос, Дж. Балсилли, Д. Рокфеллер, П. Уолкер и другие известные филантропы основали Институт нового экономического мышления, провозгласивший своей целью устранение «недостатков в наших устаревших экономических теориях» [7]. Одной из первоочередных задач Института стала разработка программы реформирования экономического образования, для чего *think tank* (мозговой центр) сформировал британскую и американскую комиссии, возглавляемые, соответственно, лордом Р. Скидельски и профессором Барнард-колледжа П. Мерлингом (P. Mehrling). В 2010 г. ученые с обеих сторон Атлантики обнародовали свои первые наработки, общим знаменателем которых являлось понимание «необходимости ввести в расписание исторический, философский и институциональный контексты» [8].

Основным фактором, обусловившим активизацию дискуссии о необходимости «реабилитации» истории экономических учений, стала крайняя обеспокоенность ученых состоянием современного магистрального течения экономической теории. Казалось бы, история экономических учений абсолютно бесполезна для мейнстрима, ощущающего себя точной наукой. Однако мы попытаемся доказать обратное, что называется, от противного, показав главные, с нашей точки зрения, последствия забвения истории экономической мысли как для теории, так и для практики.

Во-первых, закрепление за историей экономических учений положения «незаконнорожденного дитя» экономической теории привело к утверждению веры в незыблемость и универсальный характер постулатов мейнстрима. Вырванные из историко-экономического контекста принципы минималистского

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина показало следующие основные тенденции. Во-первых, 4/5 опрошенных считают историю экономических учений в той или иной степени важной для современного экономиста дисциплиной. Во-вторых, более половины бакалавров, магистрантов и аспирантов отрицательно или скорее отрицательно относятся к превращению истории экономических учений в факультативную дисциплину. В-третьих, практически 60 % респондентов отрицательно относятся к популярной идее сведения изучения истории экономических учений к рассмотрению концепций максимум полувековой давности (см. подробнее: [3, с. 139-146]).

государства, саморегулирующегося рынка и свободной торговли стали интерпретироваться как неперемное условие успешного развития всех стран мира, вне зависимости от их технико-экономических, социокультурных и институциональных различий. На этой почве стало «модным» винить в хозяйственных пертурбациях «порочные» догматы неоклассики и демонизировать таких ярких представителей экономического либерализма, как М. Фридман и Ф. Хайек [46]. Однако сторонники такого рода упрощенных интерпретаций предпочитают игнорировать то, что многие из экономических катаклизмов последних десятилетий детерминировались не «ущербными» выводами экономической теории, а, скорее, неверным их прочтением. Так, отчасти, болезненность перехода к рыночной экономике стран СНГ и Восточной Европы можно объяснить банальным незнанием политиками истинного смысла задействованных теоретических конструкций. «...Попытки применить теоремы Хайека к практике хозяйственных трансформаций, как это сделали Вацлав Клаус и его сторонники, оказали разрушительное воздействие (на экономику Чехии — Авт.)», — утверждает профессор Пражского экономического университета Я. Павлик. Однако ученый делает важную ремарку: «Надо обязательно добавить, что вышеназванные политики не читали Хайека внимательно и не поняли его. Вместо настоящего хайекианства они предложили и отстаивали неверное его толкование» [68]. В развитых государствах историческая амнезия экономической науки совпала с ложной мифологизацией образа А. Смита как протагониста рыночного фундаментализма. Его имя с молчаливого одобрения забывших к 1990-м гг. историю экономических учений «профессоров Гарварда, Йеля и Чикаго» все шире использовалось банковскими воротилами и «правыми политиками с Капитолийского холма» в качестве интеллектуальной поддержки дерегулирования финансовой сферы [41]. Эту точку зрения разделяет лауреат Нобелевской премии 1998 г. А. Сен, усматривающий корни Великой рецессии в весьма поверхностном изучении современной бизнес-элитой интеллектуального наследия А. Смита, ставшего в ее глазах отцом ультралиберализма, легитимировавшего разгосударствление хозяйственной сферы [76]. Следовательно, сохраняющаяся «клиофобия» основного канона чревата тем, что экономисты будут по-прежнему выдвигать претензии на создание универсалистских концепций в духе *one-size-fits-all*, а политики, используя аисто-

рические умозаключения экономической теории, делать далеко идущие выводы с непредсказуемыми последствиями.

Во-вторых, переход истории экономических учений на «факультативный» статус осложнил задачу восприятия современными исследователями накопленного идейного багажа. Попав под обаяние виговского видения истории науки, мейнстрим твердо усвоил чеканную формулу, блестяще выведенную М. Фридманом: новые идеи — это «старое вино в новых (математических — *Авт.*) бутылках» [30]. Экономисты оказались настолько прилежными «стеклодувами», что к середине 1980-х гг., по свидетельству специалистов, начали превращаться в «умственно дефективных лиц (*idiotsavant*), прекрасно владеющих эзотерической математикой, но полных профанов в реальной экономической жизни» [24, с. 95]. Более того, «виночерпии» начали отрицать необходимость контекстуализации и историческую ограниченность «разливаемых» ими в изысканные математические сосуды экономико-теоретических конструкций. В результате такого «бутилирования» экономисты окончательно уверовали в то, что «они не нуждаются ... даже в малейшем знании истории» [45, с. 2-3]. Между тем, еще в 1971 г. К. Болдуинг предупреждал: «даже если идеи экономистов прошлого сегодня вышли из моды, они, тем не менее, могут быть частью нашего „продленного настоящего“ (*extendedpresent*)» [19, с. 538]. Однако представители мейнстрима не услышали данный совет. В частности, изучение таких сверхактуальных и прекрасно проработанных в 1930–1940-е гг. вопросов, как последствия иррациональности экономических агентов, причины надувания финансовых пузырей, а также предотвращения кризисов спустя семь десятилетий оказались практически полностью забыты учеными магистрального течения. Их место заняли «гипотеза эффективного рынка» лауреата Нобелевской премии 2013 г. Ю. Фамы: «Мы должны отдать управление капиталом нации в руки тех, кого Кейнс называл „финансовым казино“» [47], и новая классическая макроэкономика, в лице одного из ее основателей Р. Лукаса провозглашавшая успешное разрешение «центральной проблемы — предотвращение депрессий» [57, с. 1]. Вполне закономерно, что из-за презрения к знаниям прошлых поколений исследователей кризис 2008 г. для многих представителей мейнстрима оказался полной неожиданностью, поскольку «такие кризисы не случаются в их учебниках» [37].

В-третьих, более чем полувековая дискриминация истории экономических учений чревата серьезными затруднениями с выработкой «нового экономического мышления, которое может помочь найти ответы на великие вызовы XXI века» [81]. Экономисты быстро теряют свои навыки, если не интересуются старыми идеями [37], так как строительным материалом для возведения новых концептуальных конструкций часто являются теоретические блоки прошлого. «Без Хайека, Роббинса и Пигу не было бы Кейнса; без Кейнса не было бы Фридмана...», — поясняет эту мысль М. Блаут [18, с. 156]. Ко всему прочему, потеря интереса к изучению эволюции мысли грозит исследователям очередным открытием Америки. Здесь можно вспомнить «поздравления» П. Кругману и другим создателям «новой экономической географии» по случаю повторного изобретения давно существующего направления анализа. «У экономических географов, — с трудом сдерживая иронию, пишет профессор экономической географии Кембриджского университета Р. Мартин, — модели „новой экономической географии“ вызывают стойкое чувство дежавю». Под видом нового слова в теории П. Кругман и его коллеги предложили старые «модели размещения в традиции Вебера, Лёша, Кристаллера, Алонсо и Изарда» [58, с. 70, 80], завернутые в модную математическую обертку. Иными словами, без восстановления в правах гуманитарной (или, как ее бы назвал Р. Солоу, аристократической) составляющей подготовки экономистов, одно из главных мест в которой должна занимать история экономических учений, молодые исследователи будут по-прежнему толочь архаичную теоретическую субстанцию в красивой математической ступе.

Выводы

1. В течение столетий история экономических учений занимала привилегированное положение среди экономических дисциплин и по праву носила титул «королевы экономических наук». До середины XX в. знание истории экономических учений являлось необходимым компонентом научного теоретизирования, а специалисты по данному направлению знания входили в костяк мейнстрима. Начало девальвации статуса истории экономической мысли совпало с окончанием Второй мировой войны, после которой экономисты основного течения сменили свою дисциплинарную принадлежность, перейдя из гуманитарного лагеря в предметную область точных наук.

2. Превращение экономики в социальную физику и освобождение ее от обществоведческого «балласта» являлось мечтой многих исследователей. Однако до начала 1950-х гг. сциентистский настрой отдельных ученых не мог взять верх над общей гуманитарной направленностью экономической теории. Рубежным этапом стали трагические события 1940-х гг., поставившие в повестку дня воюющих сторон задачу объединения усилий экономистов и представителей физико-математических наук для решения военно-прикладных задач, что привело к формированию нового, «точного» стандарта экономического мышления.

3. Последовавшая за Второй мировой войной сорокалетняя эра «холодного» противостояния зацементировала математический характер экономической теории Запада. С одной стороны, вся мощь инструментального аппарата начала применяться для доказательства превосходства одного социального уклада над другим, с другой — с усилением в США антикоммунистических настроений математическая экономика стала казаться относительно безопасным пристанищем для исследователей, опасавшихся быть уличенными в симпатиях к «левым» концепциям. Превращение Соединенных Штатов в абсолютного лидера мирового хозяйства привело к универсализации самуэльсоновского экономикса в масштабах всей их сферы влияния и идейной периферизации национальных школ экономической мысли.

4. Повсеместное распространение американского математизированного канона экономической теории практически вытолкнуло историю экономических учений из

лона economic science, представители которой сбросили гуманитарную одежду и принялись соревноваться друг с другом в игре математическими мускулами. Сакрализация максимы П. Самуэльсона «Те, кто может — делает науку, кто не может — занимается методологией, если ты знаешь математику — ты можешь делать науку» [80, с. 184] зафиксировала положение истории экономических учений как второсортного предмета, отнимающего время «настоящих» ученых от совершенствования техники анализа. К началу XXI в. закрепление за «грекопишущими экономистами» (*Greek-letter economists*) [49, с. IX] командных высот в научно-образовательной сфере привело к сокращению притока в сферу истории экономических учений молодых кадров и исчезновению публикаций по данной теме в мейнстримных журналах, что фактически поставило этот предмет на грань академического вымирания.

5. Рубеж 2000–2010-х гг. ознаменовался чередой признаний корифеев мейнстрима в опасности пренебрежения историей мысли и серией студенческих протестов против «клиофобии» основного русла экономической теории. Осознание значимости покровительницы истории пришло в канун Великой рецессии 2007–2009 гг., оказавшейся полной неожиданностью для экономикса, отрицающего необходимость изучения прошлого. Осторожный оптимизм в отношении инициатив по возрождению истории экономических учений внушает стремление влиятельных исследователей создать новую теорию, отвечающую вызовам XX в., что едва ли возможно без знания истории экономической науки.

Список источников

1. Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. — Ульяновск: УлГУ, 1999. — 95 с.
2. Майровски Ф. Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 100-116.
3. Мальцев А. История экономических учений, Quovadis? // *Вопросы экономики*. — 2015. — № 3. — С. 126-150.
4. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. — М.: АНФ, 2014. — 410 с.
5. Рождерс Э. Физика для любознательных. — М.: Мир, 1970. — Т. 2. — 651 с.
6. A project of the INET Economics Curriculum Task Force. [Electronic resource]. URL: http://ineteconomics.org/sites/inet.civicaactions.net/files/Economics_of_the_Real_World_v10.pdf (time accesse: 30.01.2015).
7. About the Institute. [Electronic resource]. URL: <http://ineteconomics.org/about> (time accesse: 30.01.2015).
8. Amadae S. M. Rationalizing Capitalist Democracy: the Cold War Origins of Rational Choice Liberalism. — Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2003. — 401 p.
9. Amartya Sen on the State of Modern Economics. [Electronic resource]. URL: <http://larspsyll.wordpress.com/2012/07/24/amartya-sen-on-the-state-of-modern-economics/> (time accesse : 30.01.2015).
10. Ambirajan S. The Professionalization of Economics in India / Coats A. B. (Eds.). *The Post-1945 Internationalization of Economics*. — London, Durham: Duke University Press, 1996. — 425 p.
11. An International Student Call for Pluralism in Economics. [Electronic resource]. URL: <http://www.isipe.net/open-letter> (time accesse: 30.01.2015)

12. An Open Letter to Greg Mankiw. [Electronic resource]. URL: <http://harvardpolitics.com/harvard/an-open-letter-to-greg-mankiw/> (time access: 30.01.2015).
13. *Argyrous G., Thornton T.* Political Economy in Australian Universities. [Electronic resource]. URL: <http://curriculumconference2013.worldeconomicsassociation.org/wp-content/uploads/WEA-CurriculumConference2013-ArgyrousThornton.pdf> (time access: 30.01.2015).
14. *Aromi J.D.* The (Formal) Return to Openness: A Quantitative Contribution to the History of Economic Thought. [Electronic resource]. URL: <http://www.iae.edu.ar/pi/documentos%20investigacin/research%20seminars/return%20to%20opennessjda.pdf> (time access: 30.01.2015).
15. *Ashenfelter O.* Economic History or History of Economics? A Review Essay on Sylvia Nasar's Grand Pursuit: The Story of Economic Genius // IZA Discussion Paper. — 2011. — No. 6213. — 13 p.
16. *Aslanbeigui N., Naples M.I.* The Changing Status of the History of Thought in Economics Curricula / Aslanbeigui N., Choi Y. B. (Eds). *Borderlands of Economics: Essays in Honor of Daniel R. Fusfeld.* — London, New York: Routledge, 1997. — 544 p.
17. *Augier M., March J.* The Roots, Rituals, and Rhetoric of Change: North American Business Schools After Second World War. Stanford: Stanford University Press. 2011. — 376 p.
18. *Blaug M.* No History of Ideas, Please, We're Economists // *Journal of Economic Perspectives.* — 2001. — Vol. 15. — No. 1. — P. 145-164.
19. *Boettke P.J., Coyne C. J., Leeson P. T.* Earw(h)ig: I Can't Hear You Because Your Ideas Are Old // *Cambridge Journal of Economics.* — 2014. — Vol. 38. — P. 531-544.
20. *Boettke P.J., et al.* Contra-Whig History of Economic Ideas and the Problem of Endogenous Past // *George Mason University Working Paper in Economics.* — 2010. — No. 10-31. — 26 p.
21. *Brady G. L.* The Rockefeller Foundations Financing of the NBER Study of the Soviet Economy. [Electronic resource]. URL: www.rockarch.org/publications/resrep/brady.pdf (time access: 30.01.2015)
22. *Choi Y. B.* The Americanization of Economics in Korea / Coats A.B. (Eds.). *The Post-1945 Internationalization of Economics.* — Durham: Duke University Press, 1997. — 425 p.
23. *Cohen A. J., Emmett R. B.* Why and How to Teach the History of Economic Thought: Economics as Historically Produced Knowledge / Hoyt G. M., McGoldrick K. (Eds). *International Handbook on Teaching and Learning Economics.* Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2012. — 896 p.
24. *Colander D., Klamer A.* The Making of an Economist // *The Journal of Economic Perspectives.* — 1987. — Vol. 1. — No. 2. — P. 95-111.
25. *Colander D.* What We Taught and What We Did: The Evolution of U.S. Economic Textbooks (1830-1930) // *Ilpensiero-economicoitaliano.* — 2006. — Vol. XIV. — P. 27-35.
26. *Colander D., Rothschild C.* The Sins of the Sons of Samuelson: Vision, Pedagogy, and the Zig-Zag Windings of Complex Dynamics // *Journal of Economic Behavior and Organization.* 2010. Vol. 74. No.3. P. 277-290.
27. *Corry B.* Reflections of the History of Economic Thought or „a Trip Down Memory Lane” / Murphy N., Prendegast R. (Eds.). *Contributions to the History of Economic Thought: Essays in Honour of R.D.C. Black.* — London : Routledge, 2000. — 368 p.
28. *DeLong J. B.* Bretton Woods Blogging: Old Economic Thinking Is New, Or Is It That New Economic Thinking Is Old? [Electronic resource]. URL: <http://delong.typepad.com/sdj/2011/04/bretton-woods-blogging-old-economic-thinking-is-new-or-is-it-that-new-economic-thinking-is-old.html> (time access: 30.01.2015).
29. *Friedman M.* Inflation and Unemployment. [Electronic resource]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1976/friedman-lecture.pdf (time access: 30.01.2015)
30. *Friedman M.* Old Wine in New Bottles // *The Economic Journal.* 1991. Vol. 101. No. 404. P. 33-40.
31. *Gass S. I., Assad A. A.* An Annotated Timeline of Operation Research.: An Informal History. — Boston: Kluwer Academic Publishers, 2005. — 214 p.
32. *Giraud Y., Duarte P. G.* Chasing the B: A Bibliographic Account of Economics' Relation to its Past, 1991-2011 // *THEMA Working Paper.* — 2014. — No. 2014-09. — 46 p.
33. *Goodwin C. D.* History of Economic Thought / Durlauf S.N., Blume L.E. (Eds). *The New Palgrave Dictionary of Economics.* — New York: Palgrave Macmillan. 2008. [Electronic resource]. URL: <https://proxy.library.csi.cuny.edu/login?url=http://www.dictionaryofeconomics.com/dictionary> (time access: 30.01.2015).
34. *Gordon D.* The Role of the History of Economic Thought in the Understanding of Modern Economic Theory // *American Economic Review.* — 1965. — Vol. 55. — No. 1-2. — P. 119-127.
35. *Graafland J. J.* Economics, Ethics and the Market: Introduction and Applications. Abingdon, N.Y.: Routledge. 2007. — 456 p.
36. *Groenewegen P.* Teaching the History of Economic Thought at the University of Sydney. Some Reflections // *History of Economics Review.* — 2003. — No. 37. — P. 109-125.
37. 'H' is for History of Economic Thought. [Electronic resource]. URL: <http://nzinitiative.org.nz/Media/Insights/The+A-Z+of+economic+literacy/H+is+for+history+of+economic+thought.html> (time access: 30.01.2015).
38. *Henderson W., Samuels W. J.* The Etiology of Adam Smith's Division of Labor: Alternative Accounts and Smith's Methodology Applied to Them / Samuels W. J., et al. (Eds.). *Essays on the History of Economics.* — London, New York: Routledge, 2004. — 368 p.

39. *Hodgson G.M.* The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism. — London, New York: Routledge, 2004. — 534 p.
40. *Horn K.I.* Roads to Wisdom, Conversations with Ten Nobel Laureates in Economics. — Northampton: Edward Elgar Publishing. — 2009. — 369 p.
41. *Inman P.* Beware False Sightings of Adam Smith's Invisible Hand // *The Guardian*. — 2011. — October 11.
42. *Junker D.* Introduction. Politics, Security, Economics, Culture and Society — Dimensions of Transatlantic Relations / *Junker D.* (Eds.). The United States and Germany in the Era of the Cold War. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — Vol. 1. (1945–1968). — 610 p.
43. *Kates S.* The History of Economic Thought and Its Enemies. [Electronic resource]. URL: <http://www.vu.edu.au/sites/default/files/cses/pdfs/kates-paper.pdf> (time access: 30.01.2015).
44. *Kay J.* Angry Economics Students are Naïve — and Mostly Right. [Electronic resource]. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/23da4f1e-df48-11e3-86a4-00144feabdc0.html#axzz3D5jJlD23> (time access: 30.01.2015).
45. *Keen S.* Debunking Economics. The Naked Emperor of the Social Sciences. — London, New York: Zed Books, 2004. — 352 p.
46. *Klein N.* The Shock Doctrine. The Rise of Disaster Capitalism. — New York: Metropolitan Books, 2007. — 720 p.
47. *Krugman P.* How Did Economist Get It So Wrong ? // *The New York Times*. — 2009. — September 2.
48. *Krugman P.* Macro Debates and the Relevance of Intellectual History // *The New York Times*. — 2014. — July 4.
49. *Krugman P.R.* The Age of Diminished Expectations. U.S. Economic Policy in the 1990s. — Washington D. C.: The Washington Post Company. 1997. — 244 p.
50. *Kurz H.D.* Whither the History of Economic Thought? Going Nowhere Rather Slowly? [Electronic resource]. URL: <http://www.eshet.net/public//text.pdf> (time access: 30.01.2015)
51. *Kurz H.J.* Aiming for a “Higher Prize” Paul Anthony Samuelson // *The European Journal of the History of Economic Thought*. — 2010. — Vol. 17 (3). — P. 513-520.
52. *Larsen O.N.* Milestones and Millstones: Social Science at the National Science Foundation, 1945–1991. — New Brunswick: Transaction Publishers, 1992. — 224 p.
53. *Lee F.* A History of Heterodox Economics. Challenging the Mainstream in the Twentieth Century. — Abingdon, New York: Routledge, 2009. — 368 p.
54. *Lee F.* Post-war Economic Landscape. McCarthyism, Conservatism, and Modernism, 1945–1970s. [Electronic resource]. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fcas.umkc.edu%2Fecon%2Fconomics%2Ffaculty%2FLee%2Fcourses%2F602%2Freadings%2Fhistory2.doc&ei=fN7LVJyaN4fmyQPFIYHwBA&usq=AFQjCNHmE0GA8auZ5u7FPucHAgPqIDCnVw&bvm=bv.85076809,bs.1,d.ZWU&cad=rjt> (time access: 30.01.2015).
55. *Lee F.S.* The Ranking Game, Class and Scholarship in American Mainstream Economics // *Australasian Journal of Economics Education*. — 2006. — Vol. 3. — No 1-2. — P. 1-41.
56. *Lodewijks J.* What Price Is the History of Economics? [Electronic resource]. URL: <http://economicstudents.com/2014/03/what-price-the-history-of-economics/> (time access: 30.01.2015).
57. *Lucas R.E.* Macroeconomic Priorities // *The American Economic Review*. — 2003. — Vol. 93. — No. 1. — P. 1-14.
58. *Martin R.* The New “Geographical Turn” in Economics: Some Critical Reflections // *Cambridge Journal of Economics*. — 1999. — Vol. 23. — No. 1. — P. 65-91.
59. *McCloskey D.N.* The Rhetoric of Economics. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1998. — 248 p.
60. *McLure M.* Pareto, Economics and Society. The Mechanical Analogy. — London: Routledge, 2001. — 240 p.
61. *Mirowski P.* A Revisionist's View of the History of Economic Thought // *Challenge*. — 2005. — Vol. 48. — No. 5. — P. 79-94.
62. *Mirowski P.* Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 672 p.
63. *Montes L.* Newtonianism and Adam Smith / *Berry C. J., Paganelli M.P., Smith C.* (Eds.). *The Oxford Handbook of Adam Smith*. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — 656 p.
64. *Morgan M.* The Formation of “Modern” Economics. Engineering and Ideology // *LSE Working Paper*. — 2001. — No. 62/01. — 43 p.
65. *Nasar S.* Grand Pursuit. The Story of Economic Genius. — New York: Simon & Schuster, 2011. — 576 p.
66. *Nelson R.H.* Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park. — The Pennsylvania State University. 2001. — 408 p.
67. *Nutzenadel A.* Germany's Special Path? Economic Sciences and Politics in the Federal Republic, 1945–1970 / *Biess F., Rosemann M., Schissler H.* (Eds.). *Conflict, Catastrophe and Continuity: Essays on Modern German History*. — New York: Berghahn Books, 2007. — 406 p.
68. *Pavlik J.* About the Misinterpretations of Hayek's Theory of Spontaneous Order and their Negative Impacts on the Transformation Programme in the Czech Republic. [Electronic resource]. URL: <http://nb.vse.cz/kfil/elogos/miscellany/pavlik-3.htm> (time access: 30.01.2015)
69. *Porter T.M.* Rigor and Practicality. Rival Ideals of Quantification in Nineteenth-Century Economics / *Mirowski P.* (Eds.). *Natural Images in Economic Thought: Markets Read in Tooth and Claw*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 636 p.

70. *Prychitko D. L.* Toward an Interpretive Economics. Some Hermeneutical Issues // *Methodus*. — 1990. — December. — P. 69-72.
71. *Ravier A.* The History of Thought in the Education of an Economist // *Laissez-Faire*. — 2010. — No. 33. — P. 54-57.
72. *Renton D.* Dissident Marxism. Past Voices for Present Times. — London, New York: Zed Books, 2004. — 287 p.
73. *Roncaglia A.* Should the History of Economic Thought Be Included in Undergraduate Curricula // *Economic Thought*. — 2014. — Vol. 3. — No. 1. — P. 1-9.
74. *Samuelson P. A.* Out of the Closet: A Program for the Whig History of Economic Science // *History of Economic Science Bulletin*. — 1987. — Vol. 9. — No. 1. — P. 51-60.
75. *Schabas M.* The “Worldly Philosophy” of William Stanly Jevons // *Victorian Studies*. — 1984. — Vol. 28. — No. 1. — P. 129-147.
76. *Sen A.* Adam Smith’s Market Never Stood Alone // *Financial Times*. — 2009. — March 10.
77. *Skidelsky R.* Study Economic History. [Electronic resource]. URL: www.nytimes.com/roomfordebate/2012/04/01/how-to-teach-economics-after-the-financial-crisis/study-economic-history (time accesse: 30.01.2015)
78. *Solow R. M.* How Did Economics Get that Way and What Way Did It Get / Bender T., Schorske C. E. (Eds.). *American Academic Culture in Transformation: Fifty Years, Four Disciplines*. — Princeton: Princeton University Press, 1998. — 370 p.
79. *Stigler G.* Does Economics Have a Useful Past? // *History of Political Economy*. — 1969. — Vol. 1. — No. 2. — P. 217-230.
80. *Taleb N. N.* *The Black Swan. The Impact of Highly Improbable*. — New York: Random House, 2010. — 444 p.
81. The Institute. [Electronic resource]. URL: <http://ineteconomics.org/people/institute-new-economic-thinking> (time accesse: 30.01.2015).
82. *Thoma M.* Re-Kindleberger. [Electronic resource]. URL: <http://economistsview.typepad.com/economistsview/2011/04/re-kindleberger.html> (time accesse: 30.01.2015).
83. *Torgler B., Piatti M.* *A Century of American Economic Review*. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — 174 p.
84. *Weintraub E. R.* Telling the story of MIT Economics in the 1940s. [Electronic resource]. URL: <http://public.econ.duke.edu/~erw/190/MIT-Contexts-Berlin.pdf> (time accesse: 30.01.2015).
85. *Weis D.* *Everlasting Wisdom*. Paragon Publishing, 2010. — 326 p.
86. *White L. H.* *The Clash of Economic Ideas. The Great Policy Debates and Experiments of the Last Hundred Years*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 438 p.
87. *Yarrow A. L.* *Measuring America. How Economic Growth Came to Define American Greatness in the Late Twentieth Century*. — Cambridge (Mass.): University of Massachusetts Press, 2013. — 256 p.

УДК 330.88

Ключевые слова: история экономических учений, математизация экономической науки, экономическая теория